

За дверью сарая послышался шум и торопливые шаги. Если прислушаться, становилось понятно: пришло немало людей.

Сердца двоих внутри упали.

— Как же так... — лицо молодого человека исказилось от изумления, он нахмурился. — Я ведь точно расставил людей...

— Этот непутевый сын и впрямь здесь? — донесся снаружи голос старика.

— Мой отец! — вскрикнул Лю Шэн, резко вскакивая на ноги. Его лицо выражало крайнюю степень тревоги.

Снаружи заискивающим тоном заговорила женщина:

— Да, да, хорошо, что староста вовремя обнаружил...

Староста, опираясь на трость, ковыляя, вошел во двор. Его лицо было холодным и суровым, в уголках глаз застыл гнев. Этот сын — он был для него сплошным разочарованием. В мирные времена можно было позволить себе быть благородным мужем, но сейчас, когда на кону стоит собственная жизнь, он еще смеет рассуждать о человеколюбии? Глупец!

Старик остановился у двери сарая, тяжело хмыкнув. Лицо его помрачнело. Односельчане, следовавшие за ним, опустили головы, не смея произнести ни звука.

— Что... что же теперь будет... — прошептал Лю Шэн. — Если отец поймает меня, он непременно запрет меня под замок!

Сердце его колотилось в бешеном ритме. Он понял: кто-то донес на него отцу. Неужели в его окружении есть люди отца?

Бай Чи наблюдала за ним холодным взглядом. Видя, как он покрывается потом и мечется по комнате, она скрыла свои мысли. Некоторое время она молчала, но затем Лю Шэн, обернувшись, словно бы принял какое-то решение. Пересилив бешеное сердцебиение, он вытащил из-за пазухи пожелтевший лист рисовой бумаги.

— Госпожа Бай, — горько усмехнулся Лю Шэн, — я знаю, что виноват перед вами, но другого выхода уже не осталось. Здесь нарисован маршрут наружу, я набросал его в спешке.

На старой бумаге густо сплетались черные линии.

— Когда выберетесь, если сможете, пожалуйста...

Он не успел договорить. Бай Чи закрыла глаза и сложила пальцы в печати. На кончиках ее пальцев собралась бледно-зеленая духовная энергия.

— Я отправлю тебя прочь.

Сказала она сухо, даже не взглянув на него, и принялась быстро творить заклинание. Бледно-зеленое сияние медленно поднялось в воздух, игриво покружилось и окутало Лю Шэна.

— Это... — Лю Шэн невольно распахнул глаза. Дыхание его участилось, лицо выражало шок.

— Ночью я выйду осмотреться.

Вместе с исчезновением Лю Шэна в зеленом сиянии он услышал последние слова Бай Чи.

Перед сараем.

— Открыть, — старик открыл глаза и с силой ударил тростью о землю. Его лицо помрачнело. — Выволочь этого непутевого сына наружу!

Он долго ждал снаружи, но Лю Шэн так и не вышел сам. Похоже, пока не припрет к стенке, он не успокоится. Односельчане переглядывались, не желая вмешиваться в семейную ссору.

— Слушаемся! — льстиво отозвалась женщина, охранявшая дверь. Она растолкала людей и с гордым видом толкнула створку.

Раздался скрип, дверь отворилась.

— Непутевый сын! Еще не вышел... — старик нахмурился, собираясь закричать, но, увидев фигуру, лежащую у стопки дров, мгновенно осекся.

В полумраке сарая было пыльно, поленья разного размера были сложены в аккуратные стопки. У одной из них полулежала девушка в лунно-белом платье. Ее лицо было бледным, глаза плотно закрыты — она была без сознания.

— Почему... почему здесь только она? — растерянно пробормотала женщина, открывшая дверь. — Не может быть, молодой господин Лю точно заходил сюда...

Старик стукнул тростью и спросил суровым голосом:

— Ты сама видела, как он входил?

— Ну... того не видела, — женщина втянула голову в плечи и ответила робко. — Но господин лично попросил меня отойти, сказал, что сам постоит здесь...

Ее голос становился все тише и умолк окончательно под свирепым взглядом старосты, который скрежетал зубами.

— Значит, — старик с трудом сдерживал гнев, глядя на нее расширенными от ярости глазами, — ты, основываясь лишь на догадках, потащила нас сюда... чтобы оклеветать моего сына и обвинить в сговоре с чужаками?

— Нет, нет! — женщина поняла, что будет, если она подтвердит эти слова. Она отчаянно замахала руками, лицо ее исказилось от ужаса. — Он точно здесь, он точно где-то спрятался, я найду его!

Не успела она закончить, как бросилась к стопкам дров, раскидывая их в разные стороны. Сарай был крошечным, почти пустым, кроме поленьев ничего не было. Кто-то хотел остановить ее, но старик преградил путь тростью.

— Пусть ищет.

Старик прикрыл глаза. Все стояли у двери и наблюдали за тем, как женщина безумело

перерывает сарай. Все знали, что конфликт между старостой и сыном длится не первый день, как и то, что отец души не чаёт в своем непутевом отпрыске. Те, кто вмешивался в их дела, всегда плохо кончали. Наедине староста мог отчитать сына, но сегодня, на глазах у всех, эта женщина опрометчиво обвинила его, пытаясь выслужиться перед теми господами. А те были жестоки и не знали жалости. Если бы старик не был им полезен, они бы уже давно...

— Это... как же так? — женщина обыскала каждый угол, но никого не нашла. Она, опираясь на стену, медленно осела на землю.

— Раз так, — старик открыл глаза, на лице его не дрогнул ни один мускул. — За пустые слова придется заплатить. Господа там еще ждут.

Он, опираясь на трость, развернулся.

— Увести ее!

— Есть! — двое молодых мужчин шагнули вперед.

— Нет! Не надо! — женщина вытаращила глаза, она отчаянно мотала головой и выпускала пронзительные крики. — Я ошиблась, староста, я ошиблась, не отдавайте меня господам...

Мужчины, опустив головы, словно не слышали ее мольб. Каждый схватил ее за руку, и, полуволоком, они потащили ее прочь. Снаружи стоял погожий день, но женщина вцепилась в дверной косяк, отказываясь выходить, и от ужаса покрылась холодным потом.

— Староста, староста, помилуйте меня!

Ее волосы растрепались, одежда запачкалась, по лицу текли слезы и сопли.

— Чего ждете? — прошипел старик, сжимая зубы. — Не заставляйте господ ждать!

Люди содрогнулись и, не раздумывая, оторвали пальцы женщины от двери, насильно увлекая ее за собой. Староста бросил быстрый взгляд на сарай. Увидев незапертую дверь, он на мгновение замер. Лишь спустя долгое время он повернулся и поманил доверенного слугу.

— Ты, — он помолчал, — подойди ближе. Сделай вот так... Иди.

Ночь была темной, как вода, высоко в небе висела яркая луна.

— Гав! Гав-гав!

Несколько собачьих лаев внезапно нарушили тишину деревни.

— Не лай, — Бай Чи нахмурилась и прошептала упрек черной собаке перед ней. — А если на шум придут люди, что тогда?

Черная собака была истощена, шерсть местами вылезла, кожа висела складками. Она скалилась, из пасти капала слюна. Собака сперва приглушенно рычала, издавая из горла леденящий душу звук, но, едва Бай Чи договорила, внезапно зашлась яростным лаем.

<http://bllate.org/book/21962/2281879>